

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.10>

Лугавцова Алёна Петровна

[Ранняя история школы О:баку-дзэн в Японии: появление и закрепление на новой земле](#)

В статье исследуется зарождение учения О:баку - уникального течения японского дзэн-буддизма, которое появилось в Японии благодаря мигрантам из Китая и внесло существенный вклад в формирование культурного облика эпохи Эдо. Ключевая роль отводится изучению различных факторов, повлиявших на закрепление и распространение нового учения в Японии. Автор приходит к выводу, что на раннем этапе истории школы О:баку успех учения и его дальнейшее продвижение по стране обусловил сложный комплекс обстоятельств, где решающую роль сыграла заинтересованность сёгуната Токугава.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/5/10.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 57-62. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/5/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: h1st@gramota.net

Всеобщая история

General History

УДК 93/94; 294.3

Дата поступления рукописи: 12.03.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.10>

В статье исследуется зарождение учения О:баку – уникального течения японского дзэн-буддизма, которое появилось в Японии благодаря мигрантам из Китая и внесло существенный вклад в формирование культурного облика эпохи Эдо. Ключевая роль отводится изучению различных факторов, повлиявших на закрепление и распространение нового учения в Японии. Автор приходит к выводу, что на раннем этапе истории школы О:баку успех учения и его дальнейшее продвижение по стране обусловил сложный комплекс обстоятельств, где решающую роль сыграла заинтересованность сёгуната Токугава.

Ключевые слова и фразы: Япония; эпоха Эдо; сёгунат Токугава; буддизм; О:баку; Ингэн Рю:ки.

Лугавцова Алёна Петровна

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Улан-Удэ
alena.karnap@mail.ru*

Ранняя история школы О:баку-дзэн в Японии: появление и закрепление на новой земле

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90035.
Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90035.*

Школа О:баку (яп. 黄檗), полное название которой звучит как «школа О:баку учения Риндзай», представляет собой синкретическое соединение дзэнских и амидаистских практик. Она появилась в Японии в период Эдо благодаря прибытию китайских эмигрантов, среди которых был и основатель учения, монах школы Чань Иньюань Лунци (隱元隆琦, яп. Ингэн Рю:ки, 1592-1673) [2, с. 285; 9]. Появление школы О:баку, проникшей в Японию в период ее изоляции от внешнего мира, имело существенное влияние не только на буддийское общество страны, но также внесло ощутимый вклад в формирование культуры периода Эдо в целом, привнеся в традиционные виды искусства (живопись, каллиграфию, скульптуру) наследие культуры минского Китая. В наше время школа О:баку представляет третье направление японского дзэн-буддизма наряду с Риндзай и Со:то.; невзирая на то, что появилась в Японии намного позже двух первых учений, имеет около 420 храмов и много тысяч последователей [6, р. 78], что обуславливает **актуальность** проводимого исследования.

Между тем отечественной науке эта школа до сих пор мало известна, отсутствуют специальные исследования, посвященные учению О:баку, что определяет **научную новизну** данной статьи. Краткая характеристика школы О:баку дана в коллективной монографии «Буддизм в Японии», однако она носит в основном справочный характер. В западной историографии первая работа по О:баку за авторством С. Аддиса вышла в 1978 г. [3]. Известны труды Х. Барони [4], Ц. У [10; 11], Дж. Баскинда [5] и др., которые затрагивают самые разные аспекты учения – политический, культурный, религиозный и т.д. В Японии изданы работы А. Хиракубо [17], Т. Кимура [13], О. Микио [15], Р. Нисигори [14] и др., а также материалы многочисленных выставок, посвященных так называемому феномену «искусства О:баку» и приуроченных к юбилеям знаменитых мастеров учения, которые представляют собой обширные собрания иконографических источников и дают наглядное представление о значимости данной школы для Японии. Изучение истории появления школы О:баку, таким образом, представляет большой интерес и научную значимость. Отдельного внимания заслуживает сам факт основания нового, пришлого учения, поскольку его появление и успешное развитие на фоне жесткой религиозной политики, проводимой сёгунатом, является уникальным для Японии того времени событием.

Цель данной статьи – дать характеристику школы О:баку на этапе ее появления в Японии периода Эдо, а также проследить раннюю историю нового учения на Японских островах. Особый акцент будет сделан на исследованиях зарубежных авторов, связывавших успех школы О:баку не только с личной харизмой ее основателя, Ингэна Рю:ки, но и с политической подоплекой его приезда. Выбор данного объекта исследования обусловлен значительным вкладом школы О:баку в формирование культурного облика Японии эпохи Эдо. Кроме того, исследование учения О:баку дает возможность представить всестороннюю картину периода Эдо и восполнить имеющиеся пробелы в ее историческом и политическом облике.

Появление школы О:баку в Японии неразрывно связано с формированием китайской диаспоры в городе Нагасаки. Порт Нагасаки был единственным местом, где иностранцам разрешалось заниматься торговлей, поэтому туда в 1620-х гг. активно стекались торговцы и беженцы из Китая, покинувшие страну из-за беспорядков, сопровождавших смену династий. Вскоре у членов китайской диаспоры возникла необходимость в служителях, которые могли бы отправлять религиозные нужды на их родном языке и заниматься постройкой монастырей в привычном для них стиле [7, p. 151]. Уступив призывам ранее эмигрировавшего соотечественника, монаха Ижань Синжуна (逸然性融, яп. Ицунэн Сё:ю:, 1601-1668), в 1654 г. в Нагасаки прибыл знаменитый мастер Чань Иньюань Лунци (隱元隆琦, яп. Ингэн Рю:ки, 1592-1673), который вместе со своими двумя учениками, Муанем Синтао (木庵性瑠, яп. Мокуан Сё:то:, 1611-1684) и Цифэем Жуи (即非如一, яп. Сокухи Нё:лицу, 1616-1671) сыграл ключевую роль в основании нового учения.

Говоря об успехе учения О:баку в Японии периода Эдо, необходимо прежде всего отметить, что он в определенной степени был связан с поддержкой бакуфу. «Бакуфу» (яп. 幕府) называли правительство сёгуна (управлявшего страной от имени императора военно-феодалного правителя), хотя первоначально это слово обозначало штаб военачальника, буквально «палаточный лагерь» [1]. Режим сёгуната в Японии установился в 1192 г. и осуществлял фактическое управление страной вплоть до реставрации Мэйдзи. После многолетних междоусобиц новое военное правительство, основанное Токугава Иэясу, стремилось восстановить централизованное управление страной и не допустить нового раскола, что выразилось в жестком контроле властей над всеми сферами жизни общества. Религиозное сообщество не стало исключением: благодаря завершённым в 1615 г. указам о религии между всеми храмами устанавливались четкие иерархические отношения, появились «главные» и «периферийные» храмы, между которыми имелось еще множество уровней [16]. Помня о роли, которую могущественные монастыри сыграли в «эпоху воюющих провинций», Иэясу ограничил храмы в экономической самостоятельности, урезав их земельный фонд, а также запретив свободно им распоряжаться. Более того, из-за борьбы с распространением христианства ввели обязательное т.н. установление вероисповедания, поэтому храмы фактически превратились в винтики системы тотального контроля бакуфу, поскольку священники обязаны были отчетываться, не являются ли прихожане их храма христианами или членами запрещенных сект. В результате принятых правительством жестких мер и разложения монашеских нравов появились разнообразные культы и секты – движения «скрытого нэмбуцу» («каккурэ-нэмбуцу»), «тайных молитв» («каккурэ даймоку»), оно же «не принимать и не давать» («фудзюфусэ»), объявленные правительством ересью [2, с. 297-300]. Бакуфу фактически вручную регулировало религиозную обстановку в стране, и любое новое учение могло официально закрепиться в Японии только после одобрения властей; в учении Ингэна оно, по всей видимости, было как раз заинтересовано. Многие культы и течения общественной мысли были объявлены правительством Японии вне закона, их сторонники преследовались и наказывались, однако к основателю учения О:баку бакуфу отнеслось совершенно иначе.

Основатель учения О:баку Иньюань Лунци (яп. Ингэн Рю:ки (1592-1673)) родился в уезде Фучжоу провинции Фуцзянь. Его отец исчез, когда мальчику было пять лет. В 20 лет в поисках отца Ингэн добрался до горы Путо провинции Чжэцзян, где стал прислуживать монахам во время чайной церемонии. В 28 лет, после смерти матери, он был посвящен в монахи в семейном храме Ванфу на горе Хуанбо. Учителями Ингэна были Миюнь Юань (кит. 密雲圓悟, 1566-1642) и Фэйин Тунжун (кит. 費隱通容, 1593-1661), известные мастера Чань. От второго он в 1633 г. принял передачу Дхармы и уже в 1637 г. вступил на первый срок как настоятель храма. Второй срок начался в 1646 г., и в течение этого времени Ингэн помог храму превратиться в процветающий центр буддизма. Став знаменитым мастером Чань, в 1654 г. он прибыл в Японию вместе с тридцатью учениками и ремесленниками, где и основал школу О:баку [4, p. 55-57]. Будучи самым известным мастером учения на территории Японии, Ингэн стал его духовным лидером на новой земле, своей популярностью во многом способствуя притоку прихожан в храмы новой школы.

Тем не менее профессор Цзян У в своей статье “Taikun’s Zen Master from China: Yinyuan, Tokugawa Bakufu, and the Founding of Manpukuji in 1661” («Китайский дзэн-мастер “великого правителя”: Иньюань, бакуфу Токугава и основание Мампуку-дзи в 1661 году») прямо ставит вопрос об экстраординарном отношении бакуфу к прибывшему китайскому монаху, пусть и весьма известному: «...во-первых, после всего лишь года пребывания в Нагасаки Ингэн стал получать приглашения от японских монахов и властей перебраться в монастырь Фумон-дзи, ближе к Киото и Осака, несмотря на указ бакуфу, запрещающий выходцам из Китая жить за пределами Нагасаки; во-вторых, прожив несколько лет в Фумон-дзи, Ингэн стал первым китайцем после утверждения нового режима, который был дважды удостоен аудиенции у четвертого сёгуна Иэцуна (1641-80) в Эдо зимой 1658 г., где Ингэн встретился с его высшими советниками; в-третьих, два года спустя, в 1660 г., бакуфу дало ему разрешение на постройку нового храма, нарушив еще одно собственное правило» [11, p. 75]. Подобная безграничная любезность нуждается в объяснении, и, безусловно, в качестве одного из обоснований нельзя не принять во внимание авторитет Ингэна как мастера Чань. Еще в Китае он снискал почет и известность, поэтому даже в оторванной от внешнего мира Японии были наслышаны, что прибывает поистине прославленный мастер. Ингэн имел вес в буддийском сообществе, кроме того, приезд мастера с учениками в отрезанную от мира Японию давал возможность всколыхнуть культурный застой, в котором она находилась. Ингэн был начитан, прекрасно образован, владел изящными искусствами, олицетворяя собой классического минского интеллектуала, носителя совершенно новой культуры – люди толпами стекались, чтобы хотя бы увидеть знаменитого мастера. Стоит отметить, что в период зарождения и начала распространения нового учения его популярность во многом обеспечивалась личным авторитетом основателя.

Японские исследователи допускают, что появление Ингэна и его учения в Нагасаки не просто пробудило естественное любопытство влиятельных людей того времени, а послужило возможностью приобрести своеобразный

«культурный статус»: в период изоляции, когда прежние идеалы потеряли свою привлекательность для нового поколения, знать и даже отдельные люди из верхушки бакуфу, решительно отвергая старое, жаждали встретиться с мастером и познакомиться с новой культурой. Известно, что Ингэна посещали, к примеру, видные феодалы – Маэда Цуанори (Кага), Датэ Цунамунэ (Сэндай), Хосокава Цунатоси (Хиго) и особенно дайме Кюсю, Сакаи Таданоцу, Мацудайра Саданобу, Итакура Сигэмунэ, состоявшие на службе бакуфу, даже высшая знать – Коноэ Мотохиро, Карасумару Сунзёси, император Гомидзуно-о и впоследствии – члены императорской семьи [16]. Ингэн фактически стал символом культурной аутентичности, а элементы материальной и духовной культуры минского Китая, которые он и его ученики привнесли в Японию, способствовали распространению китайского духовного наследия в политическом и культурном центре страны. Китайский стиль чайной церемонии был впоследствии развит в Японии бывшим монахом О:баку Байсао (1675-1763) в искусство сэнтя, снижавшее огромную популярность. Многие достижения культуры минского Китая – мебель, одежда, растения – были названы в честь Ингэна, потому что появились в Японии примерно в одно с ним время. Строительство Мампуку-дзи, храма, больше похожего на музей, продемонстрировало богатство китайской культуры, в каллиграфии и живописи появились поражающие мастеров О:баку «китайские стили» [10, p. 12]. Все эти аспекты, больше культурные, чем религиозные, часто считаются отличительными чертами так называемой «культуры О:баку» («О:баку бунка»), особого феномена, чье формирование сопровождало появление школы О:баку в Японии.

Стоит сказать, что прибытие Ингэна и других китайских монахов совпало со временем, когда Япония переживала значительные культурные и духовные перемены. Как отмечает Мариус Янсен, «монахов Мампуку-дзи тепло встречали на самом высоком уровне эдосского общества. Их прибытие совпало с религиозными и культурными нововведениями правительства Токугава Цунаёси (пятый сёгун, 1646-1709), которое пыталось привить новые порядки через свои моралистские приказы» [8, p. 56]. Вышеперечисленные моменты, доказывающие значительность культурного влияния Ингэна, служат наглядной иллюстрацией силы творческого наследия учения О:баку, а также одаренности и харизмы его основателя.

Однако одного только преклонения перед многочисленными талантами Ингэна Рю:ки было вряд ли достаточно для успешного закрепления учения О:баку в Японии, особенно при стремлении бакуфу тотально контролировать религиозную сторону жизни общества. Необходимо отметить, что успешному распространению нового учения во многом способствовало покровительство влиятельных даймё – князей-землевладельцев феодальной Японии. Такэсита Масахиро, говоря о роли даймё в распространении учения О:баку, упоминает, что Нагасаки, ставший «окном в Японию» для нового учения, и Удзи, его опорный пункт, связывала загруженная, широкая мощеная дорога, что облегчало взаимодействие правителей княжеств и монахов О:баку, чье число после основания Мампуку-дзи, главного храма школы, постепенно росло [12, с. 112]. Почти все даймё, по территориям владений которых проходила эта дорога: Набэсима (княжество Сага), О:мура (княжество О:мура), Татибана (княжество Янагава), Арима (княжество Курумэ), Огасавара (княжество Огура), – так или иначе вошли в контакт с Ингэном, впоследствии стали его покровителями и помогали строить храмы его учения. Эти храмы, воздвигнутые при поддержке влиятельных князей, отличались большим размахом, не испытывали недостатка в средствах и становились опорными центрами школы О:баку в регионе, воспитывая монахов, расширяя сеть подчиненных храмов и таким образом распространяя учение все дальше и дальше [Там же].

В процессе успешного распространения учения О:баку особо стоит отметить клан Набэсима, члены которого, по мнению Такэсита Масахиро, раньше всего познакомились с учением Ингэна и глубже всех его впитали. Глава клана, Набэсима Кацусигэ, принимал активное участие в устройстве Ингэна в Японии. В год приезда мастера он прислал ему пятицветную мантию, что стало для мастера первым контактом с японскими князьями, а сама мантия – первым подарком, который растроганный Ингэн воспринял как «садзэн» (благоденствие, направленное на укрепление и распространение буддийского учения), так благодаря Кацусигэ: «Да воздастся Вам еще более великой благодатью за то, что протянули руку старому монаху и совершаете многие блага во имя учения Будды в той стране, где мы вместе живем» [Там же]. В августе 1655 г. Кацусигэ предоставил для Ингэна, направившегося в храм Фумон-дзи в Сэццу, эскорт в виде повозок и лодок по всей территории своих владений – Ингэн в ответ сложил хвалебное стихотворение «Шакьямуни с чашей, пересекающий реку», и впоследствии они поддерживали активную переписку. Кацусигэ был не единственным, искавшим общения с мастером: правители других княжеств также неоднократно упоминаются в изречениях Ингэна, к примеру, властитель хана Хасуикэ Набэсима Наодзуми, который в 1665 г. разыскал Ингэна в Мампуку-дзи, в храме «отдыха среди сосен» и вручил хвалебный стих. Князя Набэсима Наоёси из Оги и Таку Сигэсато из Таку, по-видимому, обменивались письмами с Ингэном. Встречается и имя властителя хана Исахая, Набэсима Сигэмаса [Там же, с. 113]. Эти переписки даймё провинции Хидзэн с Ингэном дали свои плоды благодаря общению следующих поколений монахов О:баку и правителей княжеств – храмов О:баку строилось все больше и больше, а практика «благоденствий для буддизма» приняла серьезные масштабы. Однако клан Набэсима отличался наиболее ревностным служением новому учению. Так, Набэсима Наююки способствовал постройке храма учения О:баку Рё:син-дзи, откуда впоследствии вышли такие знаменитые буддийские монахи, как Байсао: (он же Гэккай Гэнсё:); правитель Оги Набэсима Мототакэ, чтобы увековечить память отца, построил храм Сэйган-дзи на своей земле и сделал его фамильным храмом поминования предков. Третий сын Кацусигэ, Набэсима Наотомо, ставший правителем хана Касима, построил храм Фумё:-дзи, настоятелем которого поставил мастера Кэйгана. В этом храме монахом О:баку стал его старший сын, Набэсима Наотака, имеющий проблемы со здоровьем; пять младших детей Наотомо впоследствии также ушли в монахи. Тот факт, что целый род наперегонки строил новые буддийские храмы и, мало того, через одного уходил в монахи, не мог не вызвать беспокойства в феодальном обществе, и вассалы в письмах открыто высказывали тревогу за судьбу своих господ [Там же].

Помимо клана Набэсима, активное участие в судьбе учения О:баку принимали и другие влиятельные роды. Даймё из окрестностей Нагасаки не были исключением, особенно правитель княжества Огура из провинции Будзэн Огасавара Тададзанэ, который задержал другого знаменитого мастера О:баку, Сокухи Нёицу, фактически на его обратном пути в Китай, когда тот уже покинул Мампуку-дзи в Удзи, достроил храм Фукудзю:-дзи на горе Ко:дзю: и записал Сокухи его основателем. Правители хана Янагава Татибана Тадасигэ, Татибана Акитора и их семьи также были рьяно верующими и строили в своих уделах храмы О:баку. Помимо этого, к даймё, поддерживающим О:баку, можно отнести и правителя хана О:мура О:мура Суминага, и пятого правителя города Куромэси Арима Ёримунэ. Суминага неоднократно посещал Ингэна в его «храме отдыха», Арима открыл храм Сё:гэн-дзи, записав основателем священника Тэн'ю: [Там же, с. 114]. Все эти факты ясно дают понять, что даймё Нагасаки и его окрестностей были одними из самых рьяно верующих сторонних покровителей школы О:баку, сыгравшими существенную роль в закреплении учения на новой земле. Однако единственным кланом, чьи члены еще и уходили в монахи, был клан Набэсима, и это особо отмечает силу их веры и глубину понимания учения О:баку.

Помимо подчеркивания роли личности Ингэна Рю:ки и покровительства влиятельных японских князей, существует еще одна интересная точка зрения о причинах успеха учения О:баку в Японии. Профессор Цзян У, отвечая на свой вопрос, озвученный ранее, связывает столь необычную любезность японских властей к прибывшему китайскому мастеру ни много ни мало со сменой политической парадигмы бакуфу. Конкретизируя суть и причины ее изменения, он подчеркивает, что когда в Японии был введен режим самоизоляции и международные отношения свелись к жестко лимитированной торговле с Китаем и Голландией в одном порту и принятием посольств из Кореи и Рюкю, воспринимаемых населением как выражение вассальной почтительности, буддийских монахов, тем не менее, продолжили пускать в страну. Китайские буддийские монахи, таким образом, взяли на себя роль «неофициальных послов» и фактически являлись единственными представителями Китая в Японии, которые имели возможность встречаться с правительством страны. Цзян У видит в данном религиозном обмене политический контекст и приезд Ингэна Рю:ки в Японию в 1654 г. рассматривает именно с этой точки зрения, считая, что бакуфу было куда выгоднее принять монаха, чем наделенного полномочиями посла от минского сопротивления [11, р. 82, 86]. Он объясняет это тем, что японское правительство тех лет уже сознательно отходило от китаецентричной картины мира и в то же время не могло игнорировать Китай, поэтому использовало желание Ингэна основать храм нового учения в Японии как возможность иметь в стране символическое представительство Китая, подконтрольное сёгунату (приказом бакуфу впоследствии настоятелем храма мог быть только китаец, которого одобряло правительство), попытку встроить его в новую картину мира с Японией в центре [Ibidem, p. 77-82].

Личную заинтересованность бакуфу в успехе Ингэна демонстрирует тот факт, что его восприятие в буддийском мире Японии всё же не было однозначно восторженным. В частности, известно, что в течение шести лет после основания Мампуку-дзи Ингэн получал крайне противоречивые оценки от местных монахов. Мощный монастырский комплекс Мё:синдзи выказывал ярое неприятие нового учения, несмотря на то, что отдельные его монахи (Рё:кэй Сё:сэн, Дзикуин Сомон, Токуо: Мё:ко:) всецело поддерживали Ингэна. Даже приверженец конфуцианства Мукай Гэнсё: высказывал недовольство Ингэном, поскольку боялся, что японской национальной идентичности угрожает опасность в лице заимствованной чужой традиции [Ibidem, p. 76]. Восприятие Китая также были неоднозначным: сказывалась самоизоляция Японии, долгое отсутствие дипломатических отношений и, как считает У, попытки токугавского правительства переключить свою картину мира, заключающиеся в отходе от прежней китаецентричной парадигмы. В этой связи необходимо отметить, что, по его мнению, в Японии того времени два места проживания китайцев – Нагасаки на периферии и Удзи в центре – способствовали появлению разных смысловых оттенков слова «Китай» в политике и культуре [Ibidem, p. 94]. В то время как купцы и моряки из порта, одетые в экзотические, «варварские» одежды, болтавшие на тинпункане (слово, придуманное японцами в попытке спародировать китайский диалог), были фактически заперты в Нагасаки, китайские монахи, которые не приняли маньчжурский стиль одежды, воспринимались как те, кто не предал исконно китайские идеалы. Завоевав уважение японцев поэтическим творчеством, каллиграфией, живописью, этикетом, сложными ритуалами и познаниями в медицине, они поселились в Удзи и даже посещали столицу. Эти монахи принесли с собой Китай в идеализированной, символической форме на японскую землю, создав своего рода ментальную буферную зону, благодаря которой можно было избегать ведения дел с реальной страной. Основание Мампуку-дзи в Удзи, не в Нагасаки, где проживало большинство китайцев, означало завершение процесса одновременно адаптации и отторжения: с одной стороны, китайский культурный идеал стал частью японской символической картины мира; с другой стороны, реальная политическая сила Китая, которую олицетворяли торговцы, была признана чуждой и изолирована в Нагасаки [Ibidem].

Понятно, что истинные причины такого сложного балансирования между двумя «формами» Китая, выжившего в поддержке учения Ингэна, полностью узнать невозможно. Присутствие Китая в Японии эпохи Токугава и так было весьма двусмысленным и полным нюансов. Тем не менее бакуфу отдавало предпочтение не полному игнорированию, а частной торговле с Китаем в Нагасаки, вело активные разведывательные операции в период смены династий на материке и даже обсуждало возможность отправки войск на помощь лидеру сопротивления Чжэн Чэнгуну (1624-1662), который неоднократно запрашивал военную поддержку [Ibidem, p. 77]. Так что Китай занимал значительное место в мировоззрении бакуфу, и Япония совершенно точно желала встроить его в ту новую картину мира, которую намеревалась утвердить. По мнению У, именно поэтому оно предпринимало постепенные шаги навстречу Ингэну и повышению его статуса в Японии, которые можно расценить как желание вовлечь Китай в новый порядок и создать его символическое присутствие на новой, японоцентричной, карте мира. «Делом» Ингэна занимались люди, близкие к официальной дипломатии: наместник Киото Итакура Сигэмунэ, олицетворяющий власть сёгуната в западной Японии

и активно участвующий в делах с Китаем, пригласил Ингэна в Фумон-дзи и лично проводил с ним беседу. Еще один покровитель Ингэна, Сакаи Тадакацу, был одним из влиятельнейших политиков своего времени, оказывающим влияние на положение дел как на внутренней, так и на международной арене. Приезд и начало деятельности Ингэна в Японии совпадали с прибытием очередного посольства из Кореи и запросом помощи от Чжэн Чэнгуна, лидера минского сопротивления, хотя У видит в этих совпадениях скрытый замысел бакуфу: так, послам Чжэн Чэнгуна отказали в визите в столицу и военной помощи, а Ингэна и его сопровождающих приняли. Визит Ингэна в Эдо демонстрирует, что правительство Японии было глубоко заинтересовано в построении отношений иного вида вместо прямой интервенции в Китай или предоставлении войск – такие отношения были весьма удобны для бакуфу и потому приемлемы. Кроме того, детали самой аудиенции, термины в документах и отсылки в записях современников, по мнению У, нарочито закладывают двусмысленность в описании прибытия Ингэна, давая возможность не напрямую, опосредованно, но все же воспринимать приезд китайского мастера как некий «вассальный визит» [Ibidem, p. 78, 84, 88-90]. Бакуфу не относилось к посольствам корейцев как к своим данникам, однако не мешало народу именно так их воспринимать, то же постигло и Ингэна – он вызвал подобную церемониальную двусмысленность, сам того не подозревая.

Ингэну была оказана невиданная милость – одобрена аудиенция у сёгуна, и он стал первым китайцем, официально принятым японским правителем, почти за восемьдесят лет. Однако сёгун Токугава Иэцун, будучи нездоров, утратил способность единолично управлять страной, во многом полагаясь на советников, которые доносили до Ингэна желания властей. Если намерение бакуфу использовать Ингэна в качестве символического посла из Китая, прибывшего с «вассальным визитом», не было ясным во время аудиенции у Иэцуна, события, произошедшие после основания Мампуку-дзи, все расставили по своим местам. Во-первых, Сакаи Тадакацу предложил Ингэну, чтобы все последующие настоятели нового храма были китайцами, а в случае отсутствия кандидатур в Японии следовало приглашать мастера непосредственно из Китая. Ингэн согласился, вписав это в свое завещание, и следующие сто лет пост настоятеля Мампуку-дзи занимали только китайцы. Во-вторых, было решено, что всех настоятелей храма должно было одобрить бакуфу, и по случаю своего назначения они были обязаны посетить столицу, чтобы лично засвидетельствовать получение высокого поста. В-третьих, китайские настоятели должны были посещать Эдо, чтобы поздравить бакуфу с выбором нового сёгуна как посольства из Кореи и Китая [Ibidem, p. 90]. В Мампуку-дзи долгое время тщательно следовали этим наставлениям, и только в 1740 г. настоятелем впервые был избран японец Рёто: Гэнто: (1663-1746), поскольку попытки пригласить из Китая мастера Чань закончились неудачей. У отмечает, что бакуфу крайне неохотно прервало прежнюю достаточно символическую традицию и позволило японцам занимать пост настоятеля Мампуку-дзи [Ibidem, p. 91]. Подобное особое отношение дает возможность предположить, что основание Мампуку-дзи, выстроенного китайскими монахами и в китайском стиле, действительно было неким идеологическим компромиссом, и бакуфу напрямую руководило событиями, которые к этому привели.

Таким образом, на основе вышеизложенных фактов можно констатировать, что появление школы О:баку в Японии периода Токугава, находящейся в изоляции от остального мира, было уникальным для своего времени явлением. В условиях достаточно неоднозначных отношений между странами деятельность Ингэна Рю:ки, прибывшего в Японию в 1654 г. и успешно основавшего на островах новое учение, можно сказать, стала своеобразным «мостом», соединившим закрытую от мира Японию и Китай. Что касается закрепления учения О:баку на японской земле, то вышеизложенные факты позволяют сделать вывод, что оно представляло собой сложный процесс, на который оказали решающее влияние внешние факторы, в особенности благосклонное отношение властей. Тем не менее, даже если замыслы бакуфу были той отправной точкой, которая дала Ингэну возможность осесть на новой земле, роль таланта и авторитета самого Ингэна и его учеников, а также значительной помощи, которую им оказали новообращённые даймё, в быстром распространении учения на этапе его ранней истории нельзя отрицать, поскольку именно их совокупность привела к тому, что О:баку, получив плацдарм в Удзи, начало свое успешное шествие по японским землям. Бакуфу дало разрешение на постройку Мампуку-дзи в 1661 г.; по прошествии всего девяти лет после появления в Японии новая школа настолько упрочила свои позиции, что в 1745 г. в пятьдесят одной провинции Японии насчитывалось 857 храмов О:баку [12, с. 112]. Успех учения Ингэна Рю:ки на Японских островах, таким образом, обеспечил целый комплекс обстоятельств, которые, несомненно, заслуживают дальнейшего изучения и более пристального внимания исследователей.

Список источников

1. **Бакуфу** [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1846796 (дата обращения: 12.01.2020).
2. **Буддизм в Японии** / отв. ред. Т. П. Григорьева. М.: Наука; Восточная литература, 1993. 701 с.
3. **Addiss S.** Obaku: Zen Painting and Calligraphy. Lawrence, Kan.: Helen Foresman Spencer Museum of Art; The University of Kansas, 1978. 80 p.
4. **Baroni H. J.** Obaku Zen: The Emergence of the Third Sect of Zen in Tokugawa, Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000. 280 p.
5. **Baskind J.** The Nianfo in Obaku Zen: A Look at the Teachings of the Three Founding Masters // Japanese Religions. 2008. Vol. 33 (1-2). P. 19-34.
6. **Dougill J., Kawakami T.** Zen Gardens and Temples of Kyoto: A Guide to Kyoto's Most Important Sites. Tokyo – Rutland – Vermont – Singapore: Tuttle Publishing, 2017. 144 p.
7. **Heine S., Wright D. S.** Zen Classics: Formative Texts in the History of Zen Buddhism. Oxford: Oxford University Press, 2006. 283 p.
8. **Jansen M. B.** China in the Tokugawa World. L.: Harvard University Press, 1992. 137 p.
9. **Japanese Buddhism. Part I. A brief history of Buddhism in Japan: 7. The Edo period** [Электронный ресурс]. URL: http://www.buddhanet.net/nippon/nippon_partI.html (дата обращения: 02.12.2019).

10. Wu J. Leaving for the Rising Sun: Chinese Zen Master Yinyuan and the Authenticity Crisis in Early Modern East Asia. Oxford: Oxford University Press, 2014. 355 p.
11. Wu J. Taikun's Zen Master from China: Yinyuan, Tokugawa Bakufu, and the Founding of Manpukuji in 1661 // Journal of East Asian History. 2014. Vol. 38. P. 75-98.
12. 黄檗禅の美術 隠元禅師生誕400年記念 福岡県立美術館/編集・出版 (Искусство О:баку: к 400-летию Ингэна Рю:ки. Фукуока: Издательство Музея искусств префектуры Фукуока, 1993. 144 с.).
13. 木村得玄. 隠元禅師と黄檗文化. 東京 春秋社 (Кимура Токугэн. Мастер дзэн Ингэн и культура О:баку. Токио: Издательство Сюдзю:ся, 2011. 381 с.).
14. 錦織亮介著. 黄檗禅林の絵画. 中央公論美術出版 (Нисигори Рё:сукэ. Дзэнская живопись О:баку. Токио: Издательство Центрального общественного музея изящных искусств, 2006. 319 с.).
15. 大槻幹郎. 黄檗文化人名辞典. 京都 思文閣出版 (О:цуки Микио. Биографический справочник творческих деятелей школы О:баку. Киото: Издательство Сибункаку-сюппан, 1988. 725 с.).
16. 隠元来日と黄檗文化伝来 (Прибытие Ингэна в Японию и культура О:баку) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.city.ikeda.osaka.jp/kanko/rekishi/rekishiminzokukan/mokuroku/asadahana/1418003703669.html> (дата обращения: 29.12.2019).
17. 平久保章. 隠元. 東京 吉川弘文館 (Хиракубо Акира. Ингэн. Токио: Издательство Ёсикава Ко:бункан, 1962. 289 с.).

Early History of Ōbaku Zen in Japan: Appearance and Assertion

Lugavtsova Alena Petrovna

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude
alena.karnap@mail.ru*

The article examines origin of Ōbaku Zen – a unique trend of the Japanese Zen, which was brought to Japan by the Chinese migrants and contributed significantly to formation of the Edo cultural image. The researcher's attention is focused on identifying the factors that influenced Japan's assimilation of Ōbaku Zen. The conclusion is made that in the early days of Ōbaku Zen history, the doctrine was widely adopted in Japan due to a number of interrelated factors among which the author emphasizes special concern of Tokugawa Shogunate.

Key words and phrases: Japan; Edo period; Tokugawa Shogunate; Buddhism; Ōbaku Zen; Ingen Ryūki.

УДК 93/94+316.6+327.2+159.922.4

Дата поступления рукописи: 18.03.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.11>

Участие Канады в мировой политике часто ассоциируется с понятием либерального интернационализма как главным инструментом реализации канадской внешней политики. Одним из основоположников этой идеи принято считать дипломата и премьер-министра Лестера Боулза Пирсона. В статье проведен анализ трансформации взглядов дипломата в период Первой мировой войны. Автор обосновывает необходимость изучения взглядов Пирсона его существенным вкладом в развитие национальной и внешней политики Канады, а также в международные отношения середины XX века. Доказывается, что концептуальные понятия войны и мира в мышлении Пирсона были сформированы именно во время его участия в Великой войне. В исследовании также выявлены социально-политические условия формирования и последующей трансформации взглядов Лестера Пирсона в отношении применения силы в мировой политике.

Ключевые слова и фразы: Лестер Б. Пирсон; внешняя политика Канады; Первая мировая война; либеральный интернационализм; имперская идея.

Покровская Дарья Михайловна

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
d.pokrovskaya68@gmail.com*

Участие в Первой мировой войне и трансформация взглядов Лестера Пирсона

Анализ социально-политических условий формирования личности дипломата и политического деятеля Канады Лестера Боулза Пирсона представляет особый интерес в изучении истории канадской внешней и оборонной политики ввиду его усилий по обеспечению международного мира и безопасности. **Актуальность** изучения данной темы объясняется также преемственностью либерального интернационалистского подхода к проведению внешней политики Канады, основы которой были заложены именно в период премьерства Л. Пирсона. Основные принципы понимания Л. Пирсоном ценности мира и обоснования применения силы в мировой политике заложила именно Первая мировая война.

Целью данного исследования является изучение эволюции взглядов канадского дипломата Л. Пирсона в период его участия в Первой мировой войне. В рамках реализации данной цели перед исследованием был поставлен ряд **задач**: 1. Проанализировать социально-политические условия и ключевые эпизоды обозначенного периода, оказавшие влияние на мировоззрение канадского дипломата. 2. На основе анализа биографической литературы и источников личного происхождения выявить основные взгляды Л. Пирсона, которые были